

STUDIA CULTURAE: Вып. 4 (26): JUBILAEUS: Л. П. МОРИНА. С. 201-207

Л. П. МОРИНА

*Доктор философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет*

ДИСКУРСИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЙ В РАМКАХ ДИСКУРС-АНАЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Статья посвящена исследованию трансформации основных психологических понятий в рамках дискурсивной психологии, ставшей частью дискурс-аналитических исследований. Основным принципом дискурсивной психологии становится принцип конструкционизма, утверждающий дискурсивную природу и, соответственно, конструируемость средствами дискурса психологических характеристик субъекта, таких как идентичность, способ мышления и поведения, а также бессознательное. Дискурсивные психологи (М.Биллиг, Дж.Поттер, М.Уетерелл и др.) отказываются от изучения абстрактных структур личности и утверждают, что субъект является преимущественно субъектом высказывания и формируется в речевых практиках конкретной дискурсивной ситуации.

Ключевые слова: дискурсивная психология, дискурс-аналитические исследования, принцип конструкционизма, субъект, идентичность.

L. P. MORINA

*Doctor of Science (Philosophy), Associate Professor
St. Petersburg State University*

DISCURSIVE PSYCHOLOGY: THE TRANSFORMATION OF IDEAS WITHIN THE DISCOURSE ANALYTICAL RESEARCH

The article examines the transformation of basic psychological concepts within the framework of discursive psychology, which became part of the discourse-analytical studies. The basic principle of discursive psychology is the principle of constructionism that claims the discursive nature of social reality and the psychological characteristics of the subject such as identity, way of thinking and behavior. Discursive psychologists (M. Billig, J. Potter, M. Wetherell, etc.) abandoned the study of abstract structures of identity and asserted the subject is the subject of the statement and dot its "face" only in speech practices of the discursive situation.

Keywords: discursive psychology, discourse-analytical studies, principle of constructionism, subject, identity

Дискурсивный анализ зарождается во Франции в 60-е гг. XX в. в результате соединения марксизма, лингвистики, психоанализа и структурализма. Термин «дискурс-анализ» (discourse analysis) возникает раньше и присутствует уже в 1952 в одноименной статье З.Харриса. Разработка теории дискурса 70-х годов связана с именем М.Пеше, к этому же периоду времени относится и оформ-

ление ее как самостоятельной дисциплины. Концептуально дискурс-аналитика опирается на идеи Ф.Соссюра, М.Бахтина, Ж.Лакана, Л.Витгенштейна, Ж.Деррида, Ю.Кристовой, а также Р.Барта и, в особенности, М.Фуко. Основное ее внимание сосредоточено на проблеме статуса субъекта в дискурсивных практиках, а также на дискурсивных стратегиях конструирования социальной реальности.

Дискурсивная аналитика представлена множеством направлений и персоналий. Несмотря на различия в подходах ее представителей, все они, тем не менее, исходят из некоторых общих взаимосвязанных методологических и теоретических посылок. Во-первых, они утверждают, что социальная реальность опосредована дискурсом и не может быть рассмотрена независимо от него. Такая методологическая позиция обозначается термином *антиэссенциализм*: ее адепты не только уходят от описания фундаментальных свойств личности и сосредотачиваются на изучении процессов смыслопорождения в социальном взаимодействии, но и определяют личность и субъекта как условный продукт дискурсивных практик. Субъект не просто функционирует, но рождается в дискурсе.

Во-вторых, — и это является логическим выводом из предыдущего — декларируется *принцип конструионизма*, утверждающий дискурсивную природу социальной реальности и ее конструируемость средствами дискурса. Соответственно, в дальнейшем возникает вопрос о стратегиях этого конструирования. Исследование политического аспекта дискурс-аналитического конструионизма был проанализирован ранее автором в статье «Концепт «политическое» в современных дискурс-аналитических исследованиях» [4]. В данной статье автор ставит задачу выявить трансформацию основных психологических понятий в дискурсивной психологии, существующей в рамках дискурс-аналитических стратегий описания социокультурной реальности.

В 50-е годы Э.Бенвенист опубликовал серию статей под общим названием «Человек и язык», где создал теорию высказывания, в которой центральное место занимает проблема субъекта и языка. Он показал, что речь целиком и полностью встроена в пространственно-временные координаты говорящего, в отличие от повествовательных текстов. В повествовании нет «лица», в то время как речь включена в отношения между говорящим, слушающим и присутствующим при разговоре. «*Говорящий субъект* был, таким образом, введен непосредственно в язык благодаря конкретным, материальным показателям его присутствия» [5, С.14].

Э.Бенвенист и Р.Якобсон обращают внимание на позиции субъекта в дискурсивных ситуациях. Значимым пунктом становится различие между актом высказывания и результатом/продуктом высказывания. Основной акцент теории устанавливается на акте высказывания, на том, *как* проявляет себя субъект в том, *что* он говорит [1, С. 311-319], [6, С. 95-113].

Так, постепенно происходит сдвиг в определении понятия субъекта. Он теперь становится дискурсивным феноменом и приобретает свое «лицо» в качестве говорящего, поскольку выяснилось, что его способы самопрезентации

связаны с репертуаром доступных внутри речевой ситуации средств. Соответственно, он — категория дискурса, «реальность речи», в отличие от индивидуума, обладающего языком. Таким образом, в лингвистике и дискурсивной аналитике складывается понимание, что язык есть не только средство общения и выражения мысли, но и способ формирования субъектности.

Направление дискурс-анализа, сформированного в социальной психологии, конкретизирует рассмотрение данной проблемы с использованием классических понятий психоанализа и социологии личности. Дискурсивные психологи (М.Биллиг, Дж.Поттер, М.Уетерелл и др.) отказываются от изучения абстрактных структур языка и показывают, что языковые действия встроены в социальный контекст, и потому их значение как таковых зависит от способов их употребления. Любое высказывание конкретно ориентировано и ситуативно о-значаемо. Критикуя когнитивный подход, абсолютизирующий речевые штампы и сценарии мышления, М.Биллиг утверждает, «что наши способы понимания и категоризации мира не универсальны, а исторически и социально специфичны, то есть условны» [2, С. 168].

Он также обращается к наследию З.Фрейда и рассматривает классические понятия психоанализа в контексте современных дискурс-аналитических исследований. М.Биллиг утверждает, что, несмотря на ревизию фрейдизма в рамках современной психологии, многие идеи «мэтра» остаются актуальными. В частности, непреходящей значимостью обладает его концепция репрессии (подавления, Repression), которая может получить широкое употребление в современной науке. Социальная жизнь репрессируема, и значительную роль в этом процессе играет язык/речь. Здесь З.Фрейд, по утверждению М.Биллига, выделил один очень важный аспект, который, к сожалению, не развил, а именно, — он указывал на ключевую роль языка для формирования подсознания. Подхватывая эту мысль, М. Биллиг конкретизирует: дискурс задает не только воспринимаемую социальную и психологическую реальность — эмоции, память отношение, но и — бессознательное. Рассматриваемое в конструкционистском ключе оно определяется как «*диалогическое подсознание*» (“dialogic unconscious”), поскольку сопряжено с актами вытеснения и подавления, происходящими внутри процесса коммуникации [7, Р. 4]. Фрейд, по мнению М.Биллига, оставил пробел (“the gap”) в центре своей теории, поскольку недооценил собственную идею о роли речевых практик в формировании подсознания. И эту брешь предстоит заделать современным последователям его теории.

Метапсихология Фрейда основывалась на посылке, что бессознательное играет решающую роль в мышлении. Все сознательное имеет предварительную бессознательную стадию, некое «предсознание» (preconscious), откуда мысль переходит в сферу сознания. При этом самые глубокие бессознательные мысли, по мнению З.Фрейда, не-вербальны. Механизм их актуализации (перемещения в сознание) связан с прорывом слова в сферу бессознательного. Этот механизм З.Фрейд описывает как приобретение предсознательной системой недостающего ей структурного качества благодаря контакту с мне-

монической системой языка (*word-presentation*), в силу чего она становится способной осуществлять транзит в сферу сознания (в работе «*Interpretation of Dreams*»). Отсюда возникает важный вопрос — как идея становится сознательной? С точки зрения М.Биллига, это более важная проблема, чем та, которую обычно имеют в виду, говоря о психоанализе (каким образом что-либо вытесняется в область бессознательного?). Здесь открывается возможность исследовать механизм дискурсивного программирования мышления. Ответ обнаруживается в плоскости исследований дискурсивной психологии. Механически и очень упрощенно этот процесс можно было бы представить следующим образом. Слова, которые мы воспринимаем в рамках речевой ситуации, актуализируют соответствующие бессознательные смыслы, которые, вербализуясь и обретая сознательную «плоть», в свою очередь, формирует идентичности и социальные структуры.

Классическое понимание мышления исходило из утверждения, что высказывание есть только внешний знак мыслительных процессов, происходящих в уме собеседника. То есть, мысль предшествует слову. Но, в таком случае оказывается неразрешимым вопрос, который ставил еще Р.Декарт, — как дети могут научиться мыслить? В рамках дискурсивной психологии такой проблемы не существует, т.к. диалог понимается как школа мысли. Что касается выдвигаемого контраргумента по поводу того, что существует мышление внутреннее, в молчании и уединении, то здесь, по сути, как показал уже в свое время Л.С.Выготский, мы имеем дело с интериоризированной формой диалога, или «внутренней речью», развиваемой на фоне риторических навыков диалога. «Необходимо предположить, что человеческое мышление не должно быть рассмотрено как потаенные процессы, но должно быть исследовано в связи с внешним риторическими навыками. Эти навыки постоянно обнаруживаются в разговоре» [7, Р. 51].

В сфере интерактивной коммуникации проявляет себя «лингвистическая креативность» — каждый момент разговора образует новые высказывания. Траектория развития диалога может быть непредсказуема: стратегия выбора вариантов согласия/прятия и несогласия/критики (*Justification and criticism*) задает направление диалогу. При этом участие в диалоге/дискуссии не означает, что у говорящего есть доступ к банку готовых формулировок. Высказывания возникают спонтанно внутри каждой дискурсивной ситуации и актуально-го контекста.

Рецептивные, понимающие, способности субъекта также выносятся в игровое пространство диалога — теперь они не связаны жестко с внутренней структурой субъекта и не присутствуют до ситуации диалога. Вводится понятие *hearability*, которое можно перевести как «способность слышания». При этом неправильно полагать, что дискурсивные психологи категорично утверждают, что такая способность рождается/возникает в рамках конкретного дискурса. Скорее, они ограничивают поле научных высказываний критерием наблюдаемости — так, к примеру, они предпочитают говорить о собеседниках, что они «*приходят к соглашению*» чем «*хотят прийти к соглашению*» [7, Р.55].

Дискурсивная психология опрокидывает классические представления о субъекте, «человек оказывается вывернутым наизнанку: то, что рассматривалось как индивидуальное, внутреннее и потаенное, описывается как социальное, внешнее и наблюдаемое». Исчезает, соответственно, и сам термин сознание, — вместо него утверждается «структура разговора/дискурса» [7, Р. 51].

Если психоанализ, идущий от З.Фрейда, рассматривает социальные действия как проявление внутренних психических импульсов, то дискурс-анализ в социальной психологии утверждает, что подсознание является само продуктом дискурсивных практик. Дискурсивно задается, прежде всего, тематика — какие-то вопросы обсуждаются, легитимируются, а какие-то игнорируются или запрещаются и, соответственно, подавляются. В основу рассуждения положена почти банальная мысль: когда мы произносим что-то («the said»), другое («the unsaid»), соответственно, уже не может быть произнесено в тот же момент времени. Задавая поле дискурса, мы очерчиваем одновременно и поле *не-дискурса*. В процессе общения с Другим, что-то вытесняется, а что-то, наоборот, легитимируется в рамках «гегемонных дискурсов» — дискурсов, транслирующие культурные нормы (содержательные и формальные) социума. Так, «табу на некоторые темы заставляет говорящего выбирать между различными доступными дискурсами и инвестировать в один конкретный дискурс. Таким образом, поддерживая одни представления о мире и исключая другие, подавление имеет идеологические *последствия*» [2, С. 196].

М.Биллиг, говоря о своем методе, подчеркивает, что он «...рассматривает подавление как нечто, конституируемое скорее социально, чем биологически. Можно сказать, что оно конституируется идеологически, поскольку то, что люди в конкретный период истории *не* должны говорить, — касается идеологий» [7, С. 10]. Социально обоснованные табу на некоторые темы — утверждение одних представлений о мире и исключение других — принуждают субъекта принимать ту или иную дискурсивно заданную позицию. Таким образом, «диалогическое подсознание» формируется как идеологический феномен и наделяется характеристиками условности и дискурсивной конструируемости.

Следующий аспект связан с понятием идентичности. Дискурсивные психологи утверждают язык в качестве универсального механизма, осуществляющего культурную идентификацию. В социокультурном пространстве именно дискурсы наделяют актора позицией субъектности, о чем говорил уже М.Фуко. Дискурс задает не только способ мышления, но и определяет нашу самость. Идентичность в дискурсивной формации становится дискурсивным продуктом. Говорить — значит занять позицию субъекта и подчиниться структурирующим законам дискурса, дабы участвовать в коммуникации и быть понятным другим субъектам. Д.Кэмерон утверждает, что «нам не следует думать, что люди говорят определенным образом, потому что они такие, какие они есть, скорее они такие, какие они есть потому, что они (среди всего прочего) говорят именно так, как они говорят» [2, С. 101]. Дж.Батлер утверждает, что «люди — это те эффекты, которые они производят, когда говорят или дейст-

вуют» [2, С. 102]. Д.Матисон обобщает вышеизложенное следующим образом: идентичность — это «...социальный и культурный феномен, это нечто, что возникает во взаимоотношениях с другими людьми и социальными структурами...Следовательно, это феномен политический» [3, С. 193].

Итак, идентичность в трактовке специалистов дискурс-анализа противостоит классическому ее определению как внутренней сущности, глубинной структуры, связанной с самосознанием субъекта и разворачивающейся в интерактивном пространстве. «С принятием относительного представления о «Я» как о распределенной сущности, исследование смещается от изучения изолированных людей и групп к изучению процессов производства значения в социальном взаимодействии» [2, С. 223]. Эта позиция дискурсивной аналитики получила название *антиэссенциализма*, которая может быть более лаконично выражена следующей формулой: «идентичность — это идентификация человека с субъектной позицией в структуре дискурса» [2, С. 84].

Как это происходит, показал Ж.Лакан: идентичность выстраивается благодаря «цепочки эквивалентностей», или «кластера значений» с «ключевым знаком» в центре. Так, для ключевого знака «мужчина» в традиционном дискурсе цепочка эквивалентностей будет образована следующим образом: «сила», «логика», «инициатива», «свобода» и т.д. Одновременно с этим, дискурс является и нормативной поведенческой калькой. Дабы быть *узнаваемым* в рамках социальных отношений, субъекту необходимо артикулировать заложенные в дискурсивной цепочке значения.

Кроме этого, поскольку идентичность теперь не привязана к самости, а является условным образованием, она приобретает свойства вариативности и игровой валентности. «Все значения изменчивы, и все дискурсы — условны» [2, С. 74]. Коль скоро люди оказываются в разных речевых ситуациях, и каждый раз их позиции определяются конкретным дискурсом, в рамках которого они действуют, то, следовательно, меняются и их идентичности. Таким образом, субъект может быть носителем целого спектра ситуативных идентичностей. То, что было бы клиническим симптомом для классической психопатологии, в современной дискурсивной психологии утверждается в качестве нового понимания феномена идентичности.

«Ироничная» идентичность, подверженная ситуативным колебаниям, вызвала к жизни и соответствующую лексику. В литературе закрепились такие выражения, как «потреблять идентичность», «занимать позиции идентичности». Также переосмысливаются понятия «власть» и «политическое», которые после серии трансформаций становятся применимыми к стратегии производства и управления идентичностями. В таком ключе говорится о «политической власти молодежных журналов», которые производят корректировку традиционных, например, гендерных, идентичностей посредством выстраивания определенного дискурса, например, «сексуализирующего». «Такое понимание власти подчеркивает условность нашего социального мира. Именно власть создает наши знания, наши идентичности и определяет то, как мы относимся друг к другу, будучи группами или индивидами» [3, С. 74]. Таким образом, в

сферу политического рассмотрения переносятся субъект, его мышление и идентичность (индивидуальная и коллективная).

Показательно, что траектория развития гуманитарной мысли обращается к рабочим марксистским терминам, таким как *идеология* и *гегемония*, переживающим своего рода концептуальную реинкарнацию в современной науке. Психология в формате дискурсивных исследований обретает неизбежно политическую окраску и усваивает политическую лексику, поскольку включается в общий для всех направлений этого блока антиэссенциалистский и конструкционистский подход. В рамках рассматриваемого подхода субъект выстраивается как целиком и полностью дискурсивный феномен, формируемый в речевых практиках конкретной дискурсивной ситуации. Тотальная власть дискурса охватывает своим влиянием не только поведенческие сценарии субъекта, но проникает и в самые глубинные структуры его личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
2. Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. Х.: «Гуманитарный Центр». 2008. 352 с.
3. Матисон Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов. Х.: «Гуманитарный Центр». 2013. 264 с.
4. Морина Л.П. Концепт «политическое» в современных дискурс-аналитических исследованиях/ Вестник СПбГУ, Вып 17. №4. 2015. С. 143-141.
5. Серюо П. «Квадратура смысла». М. 1999 г.
6. Якобсон Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол// Принципы типологического анализа языков различного строя. М. Наука, 1972.
7. Michael Billig. Freudian Repression. Conversation Creating the Unconscious. Cambridge University Press. 2004. 300 p.

TRANSLIT

1. Benvenist E. Obschaja lingvistika. M.: Progress, 1974.
2. Jorgensen. M.V., Fillips L.D. Diskurs-analitis. Teoria I metod. H.: "Gumanitarnii Tsentr", 2008. 352 c.
3. Matison D. Media-diskurs. Analis media-tektviv. H.: "Gumanitarnii Tsentr". 2013. 264 c.
4. Morina L.P. Kontsept «politicheskoe» v sovremennih diskurs-analiticheskikh issledovanijah / Vtstnik SPbGU, vip. 17. №4. 2015. С. 143-141.
5. P.Serio. «Kvadratura smisla». M. 1999 g.
6. Jakobson R. Shifteri, glagolnie kategorii I russkii glagol // Printsipi tipologicheskogo analisa jasikov raslichnogo stroia M. Hayka, 1972.
7. Michael Billig. Freudian Repression. Conversation Creating the Unconscious. Cambridge University Press. 2004. 300 p.